

Глава 11

Григорий (Евлампи́й Медиола́нский), 1868–1881

17 октября 1868 года в Пензу прибыл новый архиерей – бывший епископ Выборгский, викарий С.-Петербургской епархии Григорий (Евлампи́й Медиола́нский), назначенный на Пензенскую кафедру 21 августа 1868 года. За двенадцать с половиной лет пребывания его на Пензенской земле Преосвященный Григорий немало потрудился для улучшения материального быта духовенства Пензенской епархии. 60-е годы XIX века в России как раз ознаменовались оживленными дискуссиями на эту тему, в 1862 году было даже учреждено Особое присутствие для изыскания способов к обеспечению быта духовенства, имевшее свои отделения и в губерниях. Однако какого-либо решающего изменения в бедственном положении духовенства ему добиться так и не удалось. Деятельность присутствия вылилась в принятие в 1869 году Устава о приходах и Прибавлений к нему 1871 года, направленных на сокращение числа приходов в епархиях, что явилось всего лишь полумерой в решении наболевшего вопроса, не затрагивающей самих основ формирования бюджета священно- и церковнослужителей.

По заданию этого присутствия в 1869 году пензенским епархиальным начальством было закончено составление правил к собиранию по Пензенской епархии сведений о церковных приходах и причтах, необходимых для их последующего преобразования. Весь 1870 год ушел на тщательный осмотр благочинными приходов и причтов в своих округах. Собранные ими сведения были затем переданы в специально открытые в каждом уездном городе особые уездные присутствия для составления проекта нового расписания приходов и причтов. После окончания работы уездных присутствий весь материал поступил в специально учрежденный особый комитет из пяти духовных лиц при делопроизводителе этого комитета секретаре духовной консистории, который должен был подготовить окончательный проект нового расписания приходов и причтов и представить его в губернское по обеспечению духовенства присутствие. Но, ознакомившись с предложениями комитета, Преосвященный нашел большие разногласия между его проектом и проек-

тами уездных присутствий, в связи с чем признал необходимым в поисках компромисса собрать совещание членов комитета и благочинных с членами благочиннических советов. Ввиду такой работы, окончательная подготовка проекта нового расписания приходов и причтов губернским присутствием значительно отодвинулась: представление его в Высочайше утвержденное присутствие по делам православного духовенства состоялось лишь в 1876 году.

В связи с предстоящей реформой по расписанию приходов и причтов, новых священников на место выбывших (например, по случаю смерти) не назначалось, и приходы эти временно причислялись к близлежащим церквям. Поэтому из года в год количество праздных священнических мест в епархии возрастало: к 1872 г. – 21, к 1873 г. – 31, к 1874 г. – 22, к 1875 г. – 24, к 1876 г. – 44, к 1878 г. – 58. То же самое можно сказать относительно других членов клира: в 1873 году, к примеру, имелось 109 причетнических вакансий. Поэтому число священно- и церковнослужителей, находящихся на действительной службе, с каждым годом сокращалось, что можно видеть из приведенной ниже таблицы.

На начало года	Численность духовенства (на действительной службе)					
	всего клира	протоиереев	иереев	прото-диаконов	диаконов	причетников и псаломщиков
1871	2122	717			159	1246
1872	2081	10	695		152	1224
1874	1991	10	700		150	1131
1875	1927	10	695		141	1081
1876	1899	9	680		143	1066
1878	1826		675		108	1034
1879	1764* (1767)	8	674		107	978
1880	1781* (1793)	21	669		104	999
1881	1840* (1850)	21	674	1	205	949

* так в тексте

Вместе с тем строительство новых церквей не прекращалось. Например, в 1872 году по епархии возводилось 36 храмов, семь из которых в том же году были построены.

Одним из источников содержания духовенства являлось казенное жалование – 97593 рублей в год, которое, однако, получали не все причты епархии. Оно распределялось на 558 приходов, а 78 оставались без казенного содержания (благое намерение Святейшего Синода, разработавшего в 1859 году проект, по которому все приходское духовенство должно было обеспечиваться жалованием, из-за недостатка средств так и осталось невыполненным). При отсутствии казенного жалования его роль продолжала играть плата за совершаемые требы. Другим источником содержания духовенства служила земля, которой наделялись церковные причты. Но, как можно догадаться, там, где тяжелым сельским трудом приходилось заниматься самому священнослужителю, он все более и более удалялся от своего истинного назначения – быть не просто требоисполнителем, а духовным пастырем прихожан. Тем самым подтверждались сказанные еще митрополитом Филаретом слова в отношении занятого возделыванием земли служителя Церкви: “Если по обстоятельствам места возложит он руки на рало, то редко будет брать в руки книгу”⁶⁵. Правда, в редких случаях священникам удавалось завоевать авторитет в глазах сельчан именно исконно крестьянским трудом. Так, в отчете Преосвященного Григория в Св. Синод за 1875 год отмечается, что священники Андрей Троицкий, Василий Покровский, Иоанн Голубев, Григорий Дилегенский и Чернозерский, а также диаконы Сперанский и Цветков “влиют на прихожан своих сельскохозяйственной опытностью”. Священник с. Плужное Краснослободского уезда Евфимий Горский нашел к сердцам своих подопечных другой путь: он с успехом использовал гомеопатическое лечение, оказывая тем самым крестьянам помощь своими врачебными познаниями.

Поступавшие к Преосвященному отчеты благочинных рисовали ему безрадостную картину материального состояния пензенского духовенства, в чем он и сам мог неоднократно убедиться при своих обозрениях епархии. Так, например, из Пензенского уезда сообщалось: “Нужда гнетет. Нужда ставит духовенство как бы в крепостную зависимость от прихожан. Видно не пришло еще время отвыкать при принятии подачек от выслушивания терминов, присвоенных нищей братии”. То есть речь идет о крайне унижительной для духовенства необходимости при получении платы за требы слышать от прихожан не слова благодарности, а прозвища вроде “побирушек” и тому подобного. Конечно, такое отношение крестьян к священникам являлось, скорее всего, результатом их материальной нужды, при которой любая незапланированная трата денег могла выбить их из колеи и заставить нагрубить приходскому священнику.

Более обстоятельно об этом говорится в сообщении из Мокшанского уезда: “Духовенство поставлено в необходимость ждать насущного для своего существо-

вания только от подаяния прихожан. Подаяния эти состоят из тех же копеек старинными ассигнациями, какими прихожане вознаграждали духовенство лет 20 тому назад. Что касается до низших членов клира, то у них видна скудость постоянная. Нередко случается, что причетники в летнее время нанимаются у крестьян выжать одну или две десятины ржи, чтобы сделать хотя небольшое подспорье своему бедному содержанию. Эта зависимость роняет духовенство в глазах прихожан и в невыгодном свете представляет отношение духовенства к прихожанам”. А дальше говорится, что и от самих прихожан трудно ожидать помощи, поскольку бедность многих крестьян доходит до невероятности. Это собственными глазами видят члены причта, приходящие совершать освящение крестьянских жилищ, после которого, как водится, приступают к окроплению домашнего скота. И вот здесь-то оказывается, что и кропить-то, в общем, некого: вся крестьянская живность заключает в себе одну только лошадь или овцу, а чаще всего несколько кур.

Как иллюстрация сказанных когда-то Филаретом слов звучит сообщение из Городищенского уезда: “Священноцерковнослужители занимаются самообразованием не все, а причетники не имеют для этого и свободного времени, ибо занимаются хозяйством как единственным средством к пропитанию своих семейств. Некоторые причетники не умеют сносно вести даже черновые церковные записи”.

О духовенстве Саранского уезда говорится следующее: “Хозяйством занимаются все члены причта. По скудости содержания от прихожан в городе Саранске священники и диаконы дают уроки, некоторые причетники занимаются ремеслами... Замкнутость, бедность во всем, начиная с одежды, теснота помещений, многосемейность, нечистота, иногда не- опрятность и, как следствие всего этого, у многих душевное беспокойство и желание выйти из этой гнетущей бедности и нравственной тяго-ты – вот явления почти обыкновенные в семейном быту и домашней обстановке нашего духовенства, особенно причетников. Даже в городе (Саранске) причетники по неразвитости вследствие бедности встречают презрительные взгляды от прихожан. Труды священников (в селах) прихожане ценят плохо и вознаграждения делают в иных случаях самые ограниченные”.

Из Инсарского уезда сообщается: “...Все почти причты занимаются земледелием. От урожая или неурожая зависит их благосостояние. Священнические жилища самые обыкновенные, а клир в этом отношении недалеко ушел от крестьянского быта”.

Особенно трудное положение было у духовенства, обремененного многочисленными семьями, вынужденного заботиться не только о своих малолетних детях, но и престарелых родителей. Каждый год по старости и болезни увольнялось за штат не менее 100 человек: в 1873 году – 164 (32 священника, 50 диаконов, 82 причет-

ника), в 1875-м – 181 (1 протоиерей, 27 священников, 55 диаконов, 98 причетников), в 1877-м – 139 (27 священников, 33 диакона, 79 причетников), в 1879-м – 104 (19 священников, 33 диакона, 52 причетника). Всё это заставляло серьезно задуматься (как епархиальное начальство, так и само духовенство) об источниках вспомоществования.

Первое, что нужно было сделать – это снять с клира заботу о приискании жилища, переложив ее на прихожан, поскольку открытие церкви в селе и приглашение в нее причта должно было подразумевать и создание для него хотя бы самых необходимых условий существования. С этой целью еще в 1864 году по епархии были заведены церковные кружки для доброхотодателей. Пожертвованные таким образом деньги шли на покупку домов для проживания в них членов причта. За пять лет удалось приобрести 75 домов, к 1872 году их было уже 99 и, кроме того, на те же цели было собрано по епархии 9314 рублей. Серьезным доходом для священников, имеющих свое собственное жилье, стал выкуп их домов в церковную собственность. В 1872 году были куплены у священников два дома за 1272 рубля, в 1873 году – еще 5, в 1874-м – 3, в 1875-м – 9 (четыре из них построили для причта прихожане), в 1877 году – 8, в 1878-м – 15, а в 1879 году – 27. Последняя цифра появилась не случайно: Преосвященный Григорий во время своих обозрений епархии постоянно призывал сельчан к созданию для своих пастырей нормальных бытовых условий. Прихожане четырех церквей г. Пензы, в которых не имелось собственных зданий, решили выдавать причтам квартирные пособия из свободных церковных сумм. То же самое распорядился сделать и архиерей для причта кафедрального собора, выделив на квартирное пособие 571 рубль из остатков соборной суммы.

Положение бедных и сирот духовного звания вызывало у Преосвященного постоянную озабоченность. По его побуждению данные вопросы поднимались на благочиннических повременных съездах духовенства, начавших свою деятельность с июня 1871 года. В результате в каждом благочинническом округе стали учреждаться окружные попечительства о бедных духовного звания. До этого, как нам известно, существовало лишь Пензенское епархиальное попечительство о бедных духовного звания, которое было просто не в состоянии оказать помощь всем нуждающимся. Хотя все же нельзя не отметить, что в 1869 году пособиями от попечительства воспользовались 347 лиц, в 1870-м на призрение бедных было израсходовано 2722 рублей, в 1871 году на 744 семейства – 2905 рублей, а в 1872 году пособия получил 341 человек.

Состав епархиального попечительства, располагавшегося в здании духовной консистории, за время пребывания на Пензенской кафедре епископа Григория

претерпел некоторые изменения. В 1869 года из числа членов попечительства выбыл протоиерей Василий Бережковский, перешедший на службу в Казанскую епархию, и осталось только три члена – протоиерей Косьма Романов и священники Петр Секторов и Александр Сурин. Должность секретаря попечительства последовательно отправляли священник Павел Остроумов и диаконы Александр Алекторов и Василий Миролюбов, а с 1874 года священник Петропавловской церкви Василий Бономорский, который вместо уволенного за штат протоиерея Романова был определен в число членов попечительства, а его место занял канцелярский чиновник консистории коллежский секретарь Григорий Теплов.

Первым приступило к учреждению окружных попечительств о бедных духовенство 2-го благочиннического округа Пензенского уезда, собравшее в 1870 году 151 рубль на вспомоществование бедным, а в следующем году еще 285 рублей, которыми воспользовались 15 бедных семейств. Духовенство 3-го округа Мокшанского уезда в 1870 году на своем съезде постановило до учреждения попечительства выделять на вспомоществование бедным 2% со своего казенного жалованья. К 1872 году было открыто пять окружных попечительств: два во 2-м и 3-м округах Пензенского уезда, по одному – в 3-м округе Краснослободского уезда, в 1-м округе Нижнеломовского и 2-м округе Городищенского уездов. В 1872 году возникло еще пять окружных попечительств, а всего их стало 10. В 1873 году они выдали вдовам и сиротам в пособие 645 рублей. В следующем году к этим попечительствам прибавилось еще одно и бедному духовенству был выдан 2231 рубль.

В 1877 году епархиальный съезд постановил открыть окружные попечительства в остальных двадцати округах, где они еще не были открыты. Это позволило значительно увеличить помощь бедным семействам. Так, в 1877 году 26 открытых к тому времени попечительств собрали деньгами 4369 рублей и еще 685 рублей билетами, из них на 409 лиц было израсходовано 3834 рубля. К 1880 году окружные попечительства открылись во всех 32-х благочиниях, а их пособиями воспользовались 512 лиц. Вследствие полного охвата окружными попечительствами округов выдача пособий из Пензенского епархиального попечительства прекратилась, а предназначенная ранее на это сумма была передана в распоряжение совета епархиального женского училища.

Кроме окружных попечительств в уездах имелись и церковноприходские попечительства, средства которых направлялись на строительство новых и ремонт старых храмов, устройство в них иконостасов, приобретение колоколов и тому подобные нужды, связанные с содержанием и украшением храмов, а также на церковноприходские школы и благотворительные учреждения. Первые годы процесс создания церковноприходских попечительств продвигался с большим трудом, что

объяснялось не только бедностью прихожан, но и привычкой творить пожертвования порознь: стремление не обезличивать свой посильный вклад, а постоянно ощущать его присутствие в церкви в виде каких-либо конкретных приношений согревало сердца верующих и делало их связь с Богом для них самих более зримой. Особенно ярко это проявлялось в украшении икон, вызванном особо благоговейным к ним отношением прихожан, – так и не понятая многими особенность христианской души, стремящейся обязательно выразить свои чувства материальными средствами, с тем чтобы сделать свою веру более осязаемой.

В 1868 году по всей епархии было только шесть церковноприходских попечительств. В следующем году их стало десять, а собрать им на храмы удалось лишь 72 рубля, да еще 50 рублей на церковноприходские школы. В 1870 году появилось всего два попечительства, в следующем году еще три. Но зато 1872 год прибавил сразу 84 церковноприходских попечительства, а к 1876 году их число достигло 155. Прихожане, по-видимому, поняли наконец, что если раньше их частные пожертвования, носившие эпизодический характер, обеспечивали лишь некоторое украшение храма, то теперь благодаря совместным усилиям можно было ставить более серьезные задачи, как, например, ремонт церкви и даже строительство нового храма.

В 1872 году церковноприходское попечительство с. Рамзая изыскало средства на поправку приходского храма, а в следующем году под внушением приходского священника Соловьева обязалось на протяжении трех лет ежегодно вносить до 1000 рублей на сооружение кладбищенской церкви. В с. Кучук-Пор-Михайловском Пензенского уезда на исправление храма прихожанами было собрано 267 рублей, а в с. Борисовке начат сбор средств на устройство кладбищенской усыпальницы. В с. Титово Нижнеломовского уезда церковноприходское попечительство собрало на свой храм 3000 рублей серебром. Такую же сумму затратило общество на ремонт церкви в с. Федоровке, а на распространение храма в с. Покровской Арчаде – 2600 рублей. В г. Пензе наиболее заметную деятельность развили попечительства Никольской и Петропавловской церквей. Первое окончило капитальный ремонт церковного дома, приобретенного для размещения причта еще в 1867 году, и стало ежемесячно выдавать денежные пособия бедным. Второе взяло на себя заботу по содержанию церковноприходского училища.

Число попечительств в приходах продолжало расти и в дальнейшем. К 1878 году их уже было открыто 166, а к 1881 году – 173, причем на поддержание и украшение храмов было собрано 19619 рублей, на церковноприходские школы и благотворительные учреждения – 501 рубль, на устройство домов для причтов – 2080 рублей и в пользу самих причтов – 345 рублей.

С 1870 года по инициативе Преосвященного началась работа по созданию Общества взаимного вспомоществования духовенства Пензенской епархии. Вопрос об учреждении эмеритуры, то есть “денежного пособия, специальной пенсии, которая выдавалась участникам так называемых эмеритальных касс, существовавших при военных и некоторых гражданских учреждениях”, был поставлен на епархиальном съезде пензенского духовенства 1870 года. Для рассмотрения текста проекта устава Общества взаимного вспомоществования была образована специальная комиссия из нескольких лиц пензенского городского духовенства, которая в марте следующего года представила поправленный устав для ознакомления всему духовенству епархии. На благочиннических окружных съездах состоялось обсуждение вопроса об учреждении эмеритальной кассы и была признана насущная необходимость в ее создании. Однако большинство депутатов потребовало изменения многих параграфов устава, в связи с чем он был возвращен в комиссию для дальнейшей доработки. Вопрос этот окончательно так и не был решен ни в 1874 году, ни в 1875-м. К тому времени из состава комиссии по разным причинам выбыло два члена – протоиерей Бурлуцкий и священник Эпидинский, а в печати появились новые взгляды на эмиритуру, в связи с чем работа по окончательному рассмотрению проекта устава вновь приостановилась. В 1877 году по постановлению общепархиального съезда духовенства была создана новая комиссия, составленная из уездных священников. На июньском епархиальном съезде 1878 года проект устава Общества взаимного вспомоществования был наконец принят и началась запись членов в учреждаемое общество. К концу 1879 года поступившие от них членские взносы составили капитал в 16777 рублей, который, будучи переданным в комитет епархиального свечного завода, возрос до 23554 рублей. В 1880 году устав был передан в Святейший Синод на утверждение, и с 1 марта того же года избранное общепархиальным съездом духовенства правление Общества вспомоществования, имевшее на своем счету уже 34033 рубля, открыло свои действия.

Учреждение Общества явилось большим событием в жизни епархии, поскольку ставило саму возможность оказания поддержки нуждающемуся духовенству на прочную основу, не зависящую от каких бы то ни было случайностей. Но формируемый за счет одних членских взносов капитал Общества не мог оказать какой-либо серьезной помощи в решении тех вопросов, которые на свое осуществление требовали немалых средств, да и цель создания Общества была, по сути, одна – помочь друг другу при трудных обстоятельствах. Поэтому появилась необходимость в создании мощного источника финансирования для всех благотворных начинаний духовенства, каким и стал свечной завод, устроенный в архиерейском

доме Преосвященным Григорием. На пути из Санкт-Петербурга в Пензу, вскоре после своего назначения на Пензенскую кафедру, он специально посетил Кострому и Саратов, где лично познакомился со свечным производством, заведенным при архиерейских домах. В Пензе такой же завод был открыт в 1869 году и находился в ведении экономического управления архиерейского дома по 1872 год включительно, после чего был передан духовенству епархии.

Управление заводом возглавил особый комитет из трех членов, избираемых епархиальным съездом духовенства. Непосредственным исполнителем распоряжений комитета являлись смотритель завода и его помощник, деятельность которых контролировалась особой ревизионной комиссией. По постановлению съезда, состоявшегося в августе 1874 года, свечной завод приобрел за 8000 рублей близ речки Шелаховки просторную усадьбу с каменным домом и таким же флигелем. Удачно налаженное на этом месте производство свеч вскоре сделало возможным снизить на них цены, что вызвало новый приток покупателей, а это, в свою очередь, увеличило доходы предприятия. Уже в 1874 году духовенство смогло использовать полученную заводом прибыль на поддержание епархиального женского училища, перевод которого на штатное расписание совсем еще не так давно саботировался тем же самым духовенством.

Производственная мощность епархиального свечного завода в начальный период его деятельности характеризуется следующими показателями: в первый год своего существования, то есть в 1873-й, он выпустил около 2000 пудов свечей, во второй – 3000 пудов, в 1879 году было реализовано уже 5391 пуд на сумму 146101 рубль, при этом прибыль составила 23819 рублей. А за все эти годы было получено прибыли 88370 рублей. Такой доход позволял оказывать постоянные субсидии епархиальному женскому училищу, а также общежитию учеников духовной семинарии, на которые было затрачено за пять лет более 50 тысяч рублей, в том числе на женское училище: в 1875 г. – 742 рубля, в 1876 г. – 500, в 1877 г. – 1766, в 1878 г. – 7705 рублей.

Как мы видим, отношение к женскому училищу резко переменилось. Побуждаемое в свое время епископом Антонием к жертвованиям на содержание этого училища, духовенство встало в оппозицию и к учебному заведению, и к своему архипастырю, поплатившемуся за свое стремление в развитии женского образования. Приехавший в Пензу Преосвященный Григорий сразу натолкнулся на противодействие духовенства при первой же попытке устроить училище девиц духовного звания по новому уставу, утвержденному указом Св. Синода от 13 октября 1868 года. В том же году устав с программой преподавания предметов и штатом училища был получен, и вопрос о преобразовании училища по новому уставу об-

суждался на первом общепархиальном съезде духовенства, состоявшемся 20 февраля 1869 года. Однако духовенство высказалось против предложения своего архиерея, сославшись на необходимость вначале заняться устройством зданий для мужских училищ. Из выступлений на съезде Преосвященный понял, что среди священнослужителей есть ярые противники женского образования, проводимого за их счет, и в своем отчете в Св. Синод был вынужден с прискорбием констатировать: “К несчастью, сделанные духовенством заявления по поводу введения означенного проекта штата не ответили моим ожиданиям, в том числе и благочинные выразили странную холодность к женскому образованию”. Пришлось отложить этот вопрос до следующего съезда, озаботившись выдвижением на него других депутатов. Но и второй съезд не смог изыскать необходимых средств. К этому времени в училище было четыре отделения: высшее, среднее, низшее и подготовительный класс, в которых в 1869/70 учебном году соответственно обучалось 8, 10, 9 и 9 человек. Из 36 воспитанниц казеннокоштных было 28, а остальные являлись пансионерками, причем две из них происходили из светского звания. В 1871 году в училище, главной наставницей и начальницей которого состояла послушница Краснослободской Троицкой общины Наталья Кронбергер, обучалось уже 45 человек и 10 из них в том же году окончили училище.

В 1872 году, наконец, состоялось-таки преобразование училища девиц духовного звания по новому высочайше утвержденному уставу – в трехклассное учебное заведение с двухгодичным курсом обучения в каждом классе. Возглавлялось училище советом из четырех лиц: два от духовенства – кафедральный протоиерей Ф. Пантелеевский, он же председатель совета, и священник Иоанн Белозоров, начальница училища Елизавета Шелешкова и инспектор магистр Григорий Соколов. Был набран и штат преподавателей – 9 человек. С 1874 года училище девиц духовного звания стало называться Пензенским епархиальным женским училищем. В том же году его территория увеличилась в результате покупки смежной усадьбы с расположенным на ней деревянным домом. В 1875 году совет училища признал необходимым построить на вновь приобретенной усадьбе двухэтажное деревянное на каменном фундаменте здание, препроводив проект и смету на общепархиальный съезд духовенства, который постановил осуществить постройку в три года, избрав для этого особый строительный комитет. В октябре 1878 года в новом здании открылось помещение для дортуаров воспитанниц, другими словами – спальный корпус. А на июньском епархиальном съезде духовенство признало возможным с начала 1878/79 учебного года преобразовать училище из трехклассного в шестиклассное. В ноябре 1879 года для Пензенского епархиального училища был приобретен на Дворянской улице каменный двухэтажный

Здание епархиального свечного завода (ул. Славы, 6)

Епархиальное женской училище на Дворянской улице

с мезонином дом Натальи Павловны Панчулидзевой и Алексея Алексеевича Панчулидзева – брата бывшего пензенского губернатора, так что 1880/81 учебный год проходил уже на новом месте. На покупку усадьбы Панчулидзевых потребовалось 62962 рубля, которые заимообразно предоставил свечной завод. Возмещение заводу половины этой суммы было возложено на духовенство Нижнеломовского училищного округа в связи с переводом Нижнеломовского духовного училища в г. Пензу, на усадьбу по Лекарской улице, принадлежавшую до того женскому училищу, стоимость которой исчислялась в 30000 рублей. В сентябре 1880 года Нижнеломовское духовное училище переехало в Пензу, получив первоначально название 2-го Пензенского, а затем Тихоновского духовного училища.

Условия обучения и жизни воспитанников обоих училищ в результате таких перемещений значительно улучшились. То же самое можно сказать и в отношении учеников Пензенской духовной семинарии после постройки епархиального общежития для своекоштных воспитанников. До того большинство из них вынуждены были селиться на частных квартирах, хозяева которых отводили им самые неподходящие для жизни комнаты, лишённые необходимых гигиенических условий. Следствием такого размещения были частые болезни воспитанников, безнадзорность и общее удрученное состояние, характерное для детей, лишённых привычной домашней обстановки. Согласно Высочайше утвержденному штату в Пензенской духовной семинарии разрешено было иметь на казенном содержании 120 воспитанников, но на деле семинарские помещения позволяли обеспечить проживание лишь 85 из 245 обучавшихся в ней в 1877 году лиц. 125 своекоштных и 35 казеннокоштных учеников ютились на квартирах. Поэтому перед духовенством епархии остро стоял вопрос устройства общежития для своих детей, поступивших в духовную семинарию, который решался на епархиальном съезде в мае 1877 года. Была образована комиссия в составе кафедрального протоиерея Ф. Пантелеевского, протоиерея П. Секторова и священников А. Терновского и И. Беловзорова, которой поручалось подыскать подходящую квартиру под общежитие для размещения в нем 100 человек. Осенью того же года во всех округах прошли благочиннические съезды, единогласно высказавшиеся за необходимость устройства общежития с содержанием его на общеeparхиальные средства, причем большинство из духовенства склонялось не к найму помещения, а к постройке собственного здания. Комиссия представила обобщенные материалы благочиннических съездов на епархиальный съезд, созванный Преосвященным Григорием в июне 1878 года, который постановил незамедлительно открыть общежитие к началу 1878/79 учебного года. Подходящее для этого помещение нашлось в просторном деревянном доме Вроблевской (бывший Гофман), расположенном на просторной усадьбе

с садом на углу Никольской и Дворянской улиц, на месте которого сейчас располагается здание областного краеведческого музея. Его арендовали на 6 лет с тем, чтобы затем выкупить в епархиальную собственность. 7 февраля 1879 года состоялось освящение дома и торжественное открытие в нем общежития для дорогостоящих воспитанников семинарии, которых к тому времени собралось уже до 80 человек. Экономом общежития правление семинарии избрало священника Никольской церкви А. Терновского, а надзирателем – преподавателя семинарии Н. Архангельского. В том же году дом был куплен за 20000 рублей на деньги свечного завода.

В августе 1878 года съезд духовенства Пензенского училищного округа остановился и на вопросе обустройства общежития при мужском духовном училище, а также о постройке при нем служб – бани, амбаров, погребов и ледников. Было решено передать под общежитие приспособленный под квартиры смотрителя и его помощника каменный флигель при училище, сделав в нем необходимые перемены. 17 декабря 1878 года состоялось открытие и этого общежития. В нем разместились до 80 учеников, более половины из которых составляли сироты и дети бедных родителей.

Итак, быт воспитанников всех духовных учебных заведений определенным образом налажился, хотя уже вскоре после новоселья, как это часто бывает, у всех без исключения снова стала ощущаться нехватка места. Пока же духовенство могло праздновать достигнутые успехи в деле создания нормальных условий обитания своей подрастающей смене. Хуже обстояло дело с трудоустройством молодых кадров, кузницей которых служили духовная семинария и три училища – Пензенское, Нижнеломовское (оно же Тихоновское) и Краснослободское. В 1870 году полный курс семинарских наук окончило 39 человек. К тому времени от прежних выпусков оставалось непристроенными на службу 30 человек. Из этих 69 бывших воспитанников в духовном ведомстве смогли закрепиться в 1870 году лишь 13 лиц: 4 выпускника семинарии предыдущего года были рукоположены в сан священника, трое заняли места псаломщиков, трое определены на службу в духовную консисторию и столько же в учителя сельских школ. 14 человек перешли в гражданские ведомства. Остальные жили с родственниками, ожидая места.

Следующей ступенью для выпускников духовных училищ было поступление в семинарию. Те же, кто выбывал из училища, служили резервом для замещения праздных причетнических мест. В 1870 году таких оказалось 157 человек. Но в связи с наметившейся тенденцией к общему сокращению числа священно- и церковнослужителей, находящихся на действительной службе в епархии, мно-

гим недоучкам пришлось поступать на службу в другие ведомства. Нежелание учиться сослужило им плохую службу. Но даже и хорошо успевающие ученики, видя бесперспективность получения места в духовном ведомстве, часто подавали прошение об увольнении их из того или иного духовного заведения. Так, например, в 1874/75 учебном году семинарию и училища окончило 100 человек, уволено же по прошениям было 50, а исключено за неспособностью к обучению или по каким другим причинам – 23 лица. В 1877/78 учебном году та же картина выглядела следующим образом: окончивших – 75, уволенных – 28, исключенных – 30 лиц; в 1878/79 учебном году – соответственно 83, 14, 20; в 1880/81-м – 85, 23 и 33 лица.

Переизбыток выпускников семинарии давал реальную возможность существенно повысить образовательный ценз самого низшего звена духовенства – причетнического, чем не преминул воспользоваться епископ Григорий. Он ввел за правило назначать на псаломщические должности воспитанников, окончивших полный курс духовной семинарии, то есть претендентов на священнические места. Тем самым сразу убивалось два зайца: повышался образовательный уровень церковнослужителей и приобретались практические знания и опыт для последующего их священнического служения. Преосвященный Григорий в своем отчете Св. Синоду объяснял это следующим образом: “В видах практической подготовки молодых людей с полным семинарским образованием к священному сану как раньше, так и сейчас они были определяемы на должности псаломщика на место выходящих причетников. Псаломщики с семинарским образованием имеют доброе влияние на православный народ и внешняя их жизнь более благородна, несмотря на скудность средств к жизни. И отправление службы в храме совершается толковее и вразумительнее для молящихся”. Число назначений на псаломщические должности лиц, окончивших курс богословских наук семинарии (т. е. полный ее курс), в хронологической последовательности выглядит так:

1871	1872	1873	1874	1875	1877	1878	1879	1880
3	6	25	21	8 14	9	12	15	

Говоря об учебных заведениях, нельзя оставить в стороне начальные звенья духовного образования – церковноприходские школы (училища), число которых в связи с недостатком средств, сокращением числа приходов и в результате перехода на содержание земства и сельских обществ стало резко сокращаться:

- 1870 г. – 133 ЦПШ – 3286 чел.
- 1871 г. – 46 – до 1000 чел.
- 1872 г. – 23 – 815 (683 м. и 132 ж.)

1875 г. – 13 – 585 (438 м. и 147 ж.)
1876 г. – 10 – 472 (347 м. и 125 ж.)
1877 г. – 6 (или 4) – 378 (241 м. и 137 ж.)
1878 г. – 5 – 308 (262 м. и 46 ж.)
1880 г. – 5 – 275 (159 м. и 116 ж.).

В церковноприходских школах простые дети из народа обучались чтению, письму, Священной Истории, краткому катехизису и первым четырем действиям арифметики. Преподавателями их были священники, диаконы, причетники, и многие трудились на этом поприще безвозмездно. Три такие школы квартировали в домах священников: с. Огаре-ва – Диатроптова, с. Нагаева – Беликова и с. Адикаевки – Дагестанова. В 1878 году вдовой священника Марьей Семеновной Пальмовой было открыто женское училище на 50 девочек в лучшей половине своего дома.

Кроме церковноприходских школ имелись еще и воскресные школы. Об одной из них – при Пензенской духовной семинарии – мы уже упоминали. Число учеников в ней не было постоянным. Так, например, в 1872 году в сентябре в ней занималось не более 20 человек, в октябре – до 50, в ноябре и декабре – от 60 до 80. Причем четвертая часть всех учеников были дети мастеровых, унтер-офицерские, мещанские и крестьянские, нигде больше, кроме воскресной школы, не обучавшиеся. Остальные, в большинстве своем, ходили в первый класс приходских училищ. Предметами занятий в воскресной школе были: а) чтение и объяснение воскресного Евангелия, б) обучение грамоте, в) письму, г) объяснения Символа Веры, заповедей и некоторых молитв, д) арифметические действия. Занятия в школе шли по воскресным и праздничным дням, начинались они после поздней обедни (от 10 часов утра) и продолжались полтора-два часа. Следует также отметить воскресную школу в с. Шеино Керенского уезда, которая размещалась в корпусе, находящемся в ограде приходской церкви, а также школу в с. Хоненевка Мокшанского уезда, открытую в 1871 году.

Воскресные школы начали открываться в ответ на распоряжение епархиального начальства, требующего от священников проведения христианского просвещения народа вне храма “посредством учреждения воскресных или праздничных бесед в свободное от богослужения время”. Однако это был только один из видов проповеднической деятельности священнослужителей. Еще более обязательными являлись два других: систематическая катехизация населения и произнесение проповедей и поучений. Катехизические беседы, одобренные предварительно цензурным комитетом, произносились далеко не в каждой церкви: к примеру, в 1875 году они проходили в 45 церквях епархии, а в 1877 году – в 34-х. Оно и понятно,

поскольку для последовательного изложения учения Православной Церкви священнослужитель должен был обладать умением доступно и ясно доносить до паствы основные догматы православной веры и к тому же иметь особые педагогические способности. Зато проповеди и поучения должны были говориться в каждой церкви. На деле же из приблизительно 800 имеющихся в епархии на 1875 год храмов было произнесено 2483 проповеди и поучения в 468 церквях. В кафедральном соборе пензенские священники говорили проповеди поочередно. Среди проповедников были и свои “передовики”, как, например, протоиерей инсарского собора Щепотин, сказавший более 30 поучений. К проповедям Преосвященный Григорий предъявлял особые требования: чтобы “живое и действенное Слово Божие было передаваемо народу речью для него удобопонятною”.

Для постоянного совершенствования своего образования духовенство должно было иметь под руками соответствующую духовную литературу. Еще в 1866 году епископ Антоний затребовал из всех церквей епархии список имеющихся в них книг духовного содержания, с тем, чтобы побудить духовенство при каждом храме начать формирование небольшой библиотечки. Преосвященный Григорий, вступив в управление Пензенской епархией, также предписал духовенству озаботиться заведением библиотек. И если в 1869 году имелось 105 библиотек при церквях и четыре окружные благочиннические библиотеки, то к 1880 году состоялось соответственно 144 и 19 библиотек. В ходе этой просветительской кампании отличился священник Нижнеломовского уезда Николай Любимов, являвшийся членом Общества распространения книг Священного Писания, не остановившийся на формировании библиотеки для нужд причта. Он раздал прихожанам 100 экземпляров Евангелия на русском языке и до 150 экземпляров собственных поучений на Священную Историю Ветхого и Нового Завета.

Пробуждению творческих сил в священнослужителях способствовали и “Пензенские епархиальные ведомости”, корреспондентами которых были уже около 20 духовных лиц, преимущественно из сельской местности. Кроме своих проповедей и поучений они присылали в редакцию журнала и другие материалы – историко-статистические описания приходов, монастырей и храмов. В 60–70-х годах на страницах “Епархиальных ведомостей” были опубликованы статьи по истории Нижнеломовского Казанского и Наровчатского Троицкого Сканова мужских монастырей, Керенского Тихвинского и Краснослободского Успенского женских монастырей, по истории различных населенных пунктов Пензенской губернии. И все же тематика и разнообразие публикуемых в журнале статей оставляли желать лучшего. Многие присылаемые материалы не могли увидеть свет из-за того, что редакция строила свою работу на безгонорарной основе. Наверняка были

какие-то нарекания и по поводу научного уровня публикуемых статей со стороны семинарской преподавательской корпорации. Поэтому в июне 1872 года общепархиальный съезд духовенства обратился к архиерею с предложением передать “Пензенские епархиальные ведомости” в ведение духовной семинарии, что, кроме всего прочего, давало возможность служащим семинарии надеяться на небольшую прибавку к жалованью за счет получаемой от журнала прибыли. 28 октября 1872 года такая передача состоялась. Редактором ведомостей стал ректор духовной семинарии архимандрит Симеон, которого через три года сменил Алексей Егорович Попов, отдавший “Пензенским епархиальным ведомостям” долгие годы самоотверженной работы и сложивший свои полномочия лишь в издательской неразберихе 1917 года.

Говоря о всех вышеназванных преобразованиях в епархии, необходимо отметить и некоторые новшества в епархиальном управлении. Уездными органами духовного управления, как известно, являлись благочинные, которые заведовали благочинническими округами. Всех окружных благочиний в 1869 году было 31. Кроме того, один благочинный, в лице кафедрального протоиерея Ф. Пантелеевского, находился при кафедральном соборе. В 1875 году появился свой благочинный и при Никольской единоверческой церкви в с. Поиме Чембарского уезда – центре раскола, он же настоятель этой церкви и епархиальный миссионер. Благочиннические округа включали в себя неравное число приходских церквей – от 9 до 29. Число благочиний в уездах тоже было различно. Так, например, из имеющихся в 1877 году 32-х благочиннических округов в Пензенском уезде находилось 4, Мокшанском – 3, Городищенском – 3, Саранском – 3, Краснослободском – 3, Инсарском – 4, Наровчатском – 4, Нижнеломовском – 3, Керенском – 2, Чембарском – 3. В 1879 году первые благочиннические округа Городищенского и Нижнеломовского уездов были разделены каждый на два участка, в связи с чем число благочинных увеличилось на два, хотя число благочиний осталось прежним. В следующем году церкви Пензы и Нижнего Ломова были вверены особым благочинным, и их, вместе с кафедральным, стало 35.

Для более активного участия духовенства в епархиальной жизни во второй половине 1870 года было принято решение об учреждении благочиннических советов и повременных благочиннических съездов духовенства. С января следующего года благочиннические советы начали действовать. Круг их обязанностей Преосвященный Григорий изложил в епархиальном отчете следующим образом: “Они обращали свое внимание на возвышение умственного и нравственного состояния нижних членов причта, на внешнее положение бедных духовного ведомства и разбирали разные недоразумения и столкновения, возникавшие между чле-

нами причта или ими и прихожанами”. В состав советов входили благочинный (председатель) и два выбираемых на трехлетний срок члена от окружного духовенства. Иными словами, у благочинного было два помощника, взявших на себя право улаживать конфликты, освободив тем самым его от этой неприятной процедуры. Для сведения скажем, что в 1874 году советы решили 44 таких дела, в следующем – 68. Благочинным же оставалось заниматься своими прямыми обязанностями: обзором приходских церквей два раза в год, собиранием разнородных сведений по реформе приходов, предварительной проектировкой нового расписания приходов, участием в особых уездных присутствиях по этому предмету и, наконец, председательством в своих округах на повременных благочиннических съездах священноцерковнослужителей.

На этих съездах решались многочисленные вопросы, касающиеся как своих округов, так и епархии в целом, как общезначимых, так и частных. С одной стороны, это были вопросы: об учреждении эмиритуры и открытии окружных попечительств, церковноприходских и окружных библиотек, о раскладке дополнительного процентного сбора в пользу духовных учебных заведений и о количестве пособий бедным духовного звания, о принятии в ведение епархии свечного завода и о способах повышения духовно-нравственного состояния причтов и прихожан. С другой стороны, рассматривались и довольно несущественные, на первый взгляд, вопросы, которые, однако, то и дело возникали в церковной практике, ставя подчас священнослужителей в тупик: касательно исповеди и приобщения к святым таинствам умственно отсталых; о погребении мертворожденных младенцев; о порядке разрешения вступать в третий брак; о том, писать ли мертворожденных младенцев в метриках и тому подобное. Кроме чисто практической пользы от таких съездов, они играли большую роль в объединении между собой разобщенных ранее священнослужителей, вынужденных прозябать в своих приходах вне духовнородственной им среды. Теперь же, включенные в орбиту епархиальной жизни и видя необходимость своего участия в решении всевозможных вопросов, многие из них стали получать дополнительный импульс в своем священном служении.

Затронули изменения и главный орган управления епархиальной жизнью – духовную консисторию. В 1869 году присутствие ее состояло из протоиереев: кафедрального собора – Феодора Пантелеевского, Введенской церкви – Василия Бережковского и Воскресенской церкви – Авраамия Смирнова, а также священника Петропавловской церкви Петра Секторова и двух временно присутствующих членов – ключаря кафедрального собора протоиерея Косьмы Романова и священника Духосо-шественской церкви Василия Розова, назначенного присутствовать в консистории с января 1869 года. В том же году на службу в Казанскую

епархию уехал Василий Бережковский и из членов присутствия консистории был уволен Авраамий Смирнов, на место которого указом Св. Синода от 15 декабря по ходатайству архиерея был назначен священник Стефан Масловский. Сменился и секретарь духовной консистории, в должность которого с 14 ноября 1868 года вступил надворный советник Пантеровский, сразу же начавший придирчиво принимать свое хозяйство. Внутреннее состояние консистории, как самого здания, так и трудового в нем распорядка, он признал неисправным, что нашло свое отражение в годовом отчете Преосвященного, свидетельствующем, что на момент принятия Пантеровским консистории “диван представлял некое логовище, стулья, когда-то бывшие с кожаными подушками, были безобразны, столы в канцелярии были полуобтянуты неопределенного цвета грубой парусиной, от которой лоснились рукава канцелярского чиновника, шкафы стояли в полинялом виде, с неоправленными орлами на оных, кладовая комната была загромождена кучей бумаг и разной рухляди, требовавших разбора, в присутственной камере была икона, которую только вблизи можно было рассмотреть, что на ней изображен лик Спасителя, зеркало было с полинявшею позолотою, а Высочайшие указы на оном во многих местах пожелтели, стол присутственный, а равно шкафы и кресло, были в виде очень неприглядном, председательского кресла вовсе не имелось, не было не только часов и зеркала, но и порядочной покрывки на присутственном столе, качавшемся на слабых ногах. Неприглядной была и картина занятий канцелярии в присутственные часы. Прислуга консистории, состоявшая из двух отставных солдат, являлась неряшливою, в одеянии полувоенном-полукрестьянском. Разнородные просители обоего пола, а равно и священноцерковнослужители толпились около столов с разнотипными ходатайствами”.

В 1869 году вышел указ Св. Синода о новом штате духовных консисторий. Состав Пензенской консистории по представлению Преосвященного Григория был утвержден в Св. Синоде 13 июля 1870 года. Членами присутствия стали: кафедральный протоиерей Ф. Пантелеевский; протоиерей г. Краснослободска, а после перевода его в Пензу – настоятель Александро-Невской церкви при мужской гимназии, Иоанн Лентовский; настоятель Петропавловской церкви г. Пензы священник Петр Секторов и смотритель Пензенского духовного училища священник кафедрального собора Стефан Масловский.

Штат канцелярии консистории под управлением секретаря Пантеровского состоял из семи классных чиновников – четырех столоначальников, казначея, регистратора и архивариуса – и 16 канцелярских чиновников, в число которых были приняты три воспитанника, закончившие полный курс духовной семинарии – невиданный доселе случай.

В столах были сосредоточены административные, судебные, хозяйственные и метрические дела. Под особым наблюдением членов присутствия протоиерея Лентовского и священников Масловского и Секторова состояли регистратура, архив и казначейская часть. Протоиерей Пантелеевский нес труды в качестве члена особо учрежденного комитета по составлению нового расписания церквей, приходов и причтов Пензенской епархии. В августе 1872 года по ходатайству Владыки сверхштатным членом консистории был определен священник Введенской (а затем Воскресенской) церкви Андрей Любомудров. В 1875 году священник Масловский выбыл из числа членов консистории в связи с назначением его на должность ректора Пензенской духовной семинарии, а священник Любомудров занял его место.

Реорганизация работы консистории незамедлительно привела к улучшению количественных показателей по числу оставшихся к концу года нерешенных дел, которых с каждым годом становилось все меньше и меньше: 261 (на 1873 г.), 167, 139, 117, 85, 58, 52 дела. Да и то в самой канцелярии незавершенными оставались считанные единицы, прочие числились или за подведомственными местами и лицами, либо же вообще за чужими.

За время управления епархией Преосвященного Григория в архив консистории было сдано более 10 тысяч всевозможных дел и актов. Причем они сдавались в архив уже переплетенными, так что число документов, прошедших через руки консисторских работников, было просто огромным (к примеру, в 1875 году поступило 7332 входящих и 9234 исходящих бумаг). Некоторые из архивных дел несомненно представлял немалый исторический интерес, в связи с чем из числа творческих лиц образовалась ученая комиссия для разборки дел консисторского архива, в которую сначала входили протоиерей Бурлуцкий, священники Розов и Масловский и учитель семинарии Балаковский. После выбытия последнего комиссия была увеличена наставниками семинарии Смирновым, Троицким и Успенским. Некоторые из членов комиссии взяли из архива консистории по несколько дел для написания ученых трудов, впоследствии напечатанных в «Пензенских епархиальных ведомостях», как, например, цикл статей протоиерея Иакова Петровича Бурлуцкого о святых и особо почитаемых иконах Пензенской епархии или же его статьи о первых пензенских епископах.

Одним из наиболее видимых показателей многотрудного архиерейского труда являлись обозрения епархии, которые совершались каждым архиереем. Отдал им должное и Преосвященный Григорий. О количестве проведенных им обозрений, общей протяженности проделанного пути, числа осмотренных при этом храмов, монастырей и общин в разных уездах губернии можно узнать из приведен-

ной ниже таблицы:

год	число поездок по епархии	число охваченных уездов	расстояние (верст)	число осмотренных храмов	число осмотренных обителей
1869	4	10	> 1500	> 170	все
1870	3	4	600	ок. 100	3
1871	4	6	ок. 800	ок. 70	4
1872		8	1035	ок. 80	5
1873		4		ок. 70	5
1874	3	6	535	ок. 60	6
1875	3	5		ок. 80	5
1877	6	7	1400	ок. 100	6
1878		5		63	
879		6		65	8
1880		3			6

Особенными событиями во время архиерейских обозрений являлись:

- в 1869 г. – освящение замечательного по своему благолепию Петропавловского храма в г. Пензе;
- в 1870 г. – освящение храма над пещерами в Скановой пустыни; особенно тщательное обозрение Пензенского уезда, в котором осталось неосмотренными только две церкви;
- в 1873 г. – освящение храма в Параскево-Вознесенской общине в Инсарском уезде;
- в 1875 г. – освящение нижнего соборного храма в Скановой пустыни;
- в 1877 г. – архиерей совершил во время обозрений 34 литургии и всенощных, освятил храмы в Рамзае, Керенске и собор в Мокшане;
- в 1878 г. – центр раскола село Поим Преосвященный посетил три раза, в июне после литургии освятил там женское училище, открытое по его инициативе, а 29 декабря совершил рукоположение во иерея бывшего раскольника Ксенофонта Крючкова, ставшего впоследствии выдающимся миссионером Пензенской епархии по обращению раскольников в Православие на правах единоверия.

Всего в 1869 году в епархии имелось церквей, молитвенных домов и усыпаль-

ниц – 823, в 1871 году – 830 (каменных – 381, деревянных – 449), в 1879 году – 803. Строительство усыпальниц (к 1880 году их было 83), регламентированное Св. Синодом, шло очень медленно, не найдя сочувствия среди населения, поскольку вынос тела на ночь из дома в часовню накануне дня погребения не соответствовал устоявшемуся обычаю хоронить покойника непосредственно из его жилища, где затем устраивались поминки по усопшему. Поэтому даже там, где такие часовни были построены, они большей частью стояли без употребления.

Особую заботу проявлял Преосвященный Григорий о пензенских обителях, обязательно посещая их во время своих обозрений епархии. Накануне его вступления на Пензенскую кафедру в епархии находилось 9 монастырей (6 мужских и 3 женских) и 5 женских общин. В 1875 году в монастырь была возведена Троицкая женская община при с. Ковыляй Краснослободского уезда. В 1880 году монастырем стала и Нижнеломовская Успенская женская община. К числу общин прибавилась Воскресенская община сестер милосердия в с. Знаменском (Ключищи) Инсарского уезда, утвержденная Св. Синодом 3 августа 1870 года. Однако епископ Григорий до самой своей смерти так и не увидел ее окончательного устройства. После безрезультатных поисков подходящей кандидатуры на место настоятельницы пришлось – таки временно приписать эту общину к расположенной недалеко от нее Пайгармской общине. Не угоден, как видно, оказался Богу дар дворянки Юлии Кожинной, остановившейся на полпути в ее обустройстве: из-за негодности печей жилой дом в ней перестал отапливаться; сама основательница община не взяла на себя труд озаботиться приглашением в настоятельницы кого-либо из иногородних инокинь, как о том ее просило епархиальное начальство, и ко всему тому в 1878 году в общине сгорела домовая деревянная церковь.

Снова застопорилось дело в Серафимовской общине при д. Куриловка Саранского уезда: ее основатель Теплов отказывался устроить необходимые помещения – дом для священника и службы. Кроме того, возникла еще одна проблема – в непосредственной близости от нее располагались дома и самого Теплова, и всей его прислуги, что вообще делало проблематичным нормальное существование здесь обители.

Зато начало обретать видимые очертания дело об устройстве женской общины в Городищенском уезде на горе Шихан, недалеко от границы с Симбирской епархией, длившееся уже несколько лет. Появление обители в крае, зараженном расколом, в окружении мордовских сел, было весьма желательным. Некоторые из дворян-землевладельцев изъявили готовность пожертвовать принадлежащие им землю и лес. Усилиями священника Трактатова на горе было уже построено несколько зданий и даже церковь. Однако, как у всякого хорошего дела, появились и свои недоброжелатели, преследующие корыстные цели. Местный безграмот-

ный мужик-крестьянин Яков Ермилов возмечтал стать настоятелем мужского монастыря и стал склонять к тому жителей близлежащих мордовских сел. Мнения разделились – быть ли здесь женской обители или мужской. И лишь в 1890 году женская община получила здесь официальное утверждение.

21 октября 1871 года в Пензенском Троицком женском монастыре наконец-то было открыто общежитие, а ровно через месяц – 22 ноября того же года – училище для девочек-сирот духовного звания на 10 воспитанниц, пришедшее на смену существовавшему здесь ранее училищу девиц духовного звания, выросшему к тому времени в самостоятельное духовное учебное заведение. Для вновь открытого монастырского училища был отведен каменный корпус. Надзором за воспитанницами и их обучением занимались шесть избранных для этой цели послушниц и еще две послушницы помогали по хозяйству.

Кроме пензенского монастыря подобные училища были устроены и в других обителях: в Нижнеломовской Успенской женской общине на 12 сирот в выстроенном специально для него деревянном флигеле (открыто 29 декабря 1871 года); в Краснослободском Успенском женском монастыре, для размещения училища в котором был построен двухэтажный деревянный на каменном фундаменте корпус; в Мокшанской Казанской и Ковыляйской Троицкой общинах. В 1872 году во всех монастырских училищах обучалось 29 сирот, их обучением занимались сами монахини и послушницы при содействии членов причта. В 1875 году их было уже 36, в 1877-м – 51, в 1878-м – 57 и, наконец, в 1879 году – 65 девочек.

Другим видом благотворительного участия монастырей в судьбе сирых и убогих являлись больницы. Они существовали при Пензенском Троицком и Керенском Тихвинском монастырях, и призревалось в них в разные годы различное число болящих, в общей сложности до 30 лиц. В 1877 году Св. Синод обратился ко всем обителям с призывом оказать посильную помощь больным и раненым воинам – участникам русско-турецкой войны на Балканах, вспыхнувшей на волне национально-освободительной борьбы в Боснии и Герцеговине и в Болгарии. Из пензенских монастырей на этот призыв откликнулись около 50 человек – 40 сестер из женских монастырей, а из мужских – 2 монаха и 6 послушников, готовых поступить в число “сердобольных братьев”. Все они по распоряжению Преосвященного прошли практический курс подготовки к своему новому назначению при больнице Пензенского губернского земства. Однако на этом участие монастырей в помощи раненым не закончилось. Наровчатский и Вьясский монастыри предоставили свои помещения под лазареты для размещения в них нескольких десятков человек. В женских монастырях заботливыми руками монахинь и послушниц было сшито и отослано в местное отделение Общества Красного Креста 84 пары белья,

18 рубашек, 34 полотенца, 56 простыней, 42 наволочки, 14 нагрудников, 22 пары шерстяных чулок, 9 пар шерстяных варежек, 12 наволочек для тюфяков, а также подготовлен перевязочный материал – бинты, холсты, корпии.

В управлении монастырями произошли перемены: в 1875 году Нижнеломовский мужской монастырь был непосредственно подчинен управлению епархиального архиерея; в 1877 году Керенский монастырь получил новую игумению, которой стала монахиня Анастасия. В том же году в сан игумена был произведен перемещенный из Александро-Невской Лавры в Саранский Петропавловский монастырь монах Мефодий. 1 ноября 1879 года скончалась настоятельница Пензенского Троицкого монастыря игуменья Надежда и на ее место временно была определена одна из монахинь того же монастыря Людмила. Большую озабоченность архиерея вызывала Вьясская Владимирская пустынь, настоятель которой, из-за своих личных качеств, все больше и больше терял бразды правления. Дело дошло до того, что в 1873 году в пустыни для проведения богослужений остался, кроме настоятеля, лишь один иеромонах, – многие из братии покинули монастырь. Поэтому в 1874 году настоятеля обители пришлось снять с должности.

Среди пожертвований в пользу храмов и монастырей епархии, достигавших 100–150 тысяч рублей в год, хотелось бы отметить неденежные поступления, такие как усадебное место вдовы губернского секретаря Агафьи Доброхотовой в г. Пензе размером 395 кв. саженей, закрепленное в 1872 году за Троицким монастырем, и 31 дес. 2146 кв. саж., завещанные купчихой Удаловой Саранскому Петропавловскому монастырю. Из денежных пожертвований нетрадиционное назначение предусматривали 3400 рублей в виде кредитного билета, завещанного в 1879 году помещицей с. Владыкино Чембарского уезда Щетининой на содержание в местной церкви хора певчих. Любовь к церковному пению, как отмечал Преосвященный, вообще была присуща русским людям, и устройством церковных хоров занимались не только помещики, но и зажиточные прихожане из купцов, как, например, церковный соборный староста г. Наровчата М. Н. Коробков, взявший хор на свое попечение.

Помещенный в годовых отчетах епископа Григория статистический материал не затушеввал присущую им образность изложения, нетипичную для такого рода документов и особенно выступающую на передний план там, где архиерей говорит о своей пастве и ее религиозно-нравственном состоянии. Главный порок необразованного общества Преосвященный облакает в такую форму: “Кажется, всеобщий современный бич народа – пьянство в Пензенской губернии увеличивается неудержимо, прогрессивно. Недуг пьянства, для которого так много приманок, отуманивает народ, и без того темный, и составляет глубокую печаль для пастырей, ибо как духовно учить и где учить пьяного и хмельного, как

напутствовать таковых даже в загробную жизнь”, и далее: “Пьянство, по единогласному отзыву приходских священников, есть общая зараза низшего класса людей, которая вводит большое нестроение в общественный, семейный и экономический быт простого народа”.

Постепенное знакомство с разными слоями общества позволяет Преосвященному увидеть в каждом из них какие-то свои пороки: “В дворянстве обнаруживается несветлая сторона православной жизни – в тщеславии и в жизни не по средствам; в купечестве – в роскоши и щегольстве, чем особенно страдает женский пол, стремление к обогащению посредством несправедливой торговли; в мещанстве – в пьянстве с мелким барышничеством и обманом; в крестьянстве русского происхождения – в пьянстве, сквернословии и по местам – в непозволенных преступных родственных связях свекров со снохами; в мордве – в пьянстве, суеверности, злопамятности, мстительности и коварстве. Свирепствует пьянство и между раскольниками вместе с крайним развратом, сопровождаемым сильным развитием любово-страстной болезни. Пьянство с наглым плутовством – дурное свойство сектантов-молокан. Пьянство с воровством вообще и конокрадством в частности – черная точка мнимых христиан-татар. Пьянству, особенно во время свадеб и праздников и тому подобное, предаются не только мужчины, но и женщины, не только люди зрелого возраста, но и несовершеннолетние, и мальчики, и даже девочки – по небрежности своих отцов и матерей”.

От чисто нравственной оценки народонаселения епархии Преосвященный переходит к его религиозно-нравственной характеристике. Он с удовлетворением отмечает, что “любовь к Богу, молитва за царя, сострадание к нужде ближнего – неотъемлемые свойства большинства православных христиан”, что паства “в догматы святой Церкви, ее святые таинства, во все ее обряды и постановления верует простосердечно и несомненно”. В подтверждение своих слов о религиозности православных христиан из простонародья и купечества он свидетельствует, что они “не едят вареного, а питаются хлебом и кислым квасом с хреном и редькой в первую, Страстную неделю Великого поста”. Говоря о том, что “крестьянин не встанет поутру, не ляжет спать, не сядет за стол, не встанет из-за стола, не войдет в дом, чтобы не сотворить крестное знамение”, Преосвященный отмечает также, что “в православном русском народе набожность не ограничивается только наружным исполнением религиозных обрядов, но предполагает внутреннее глубокое, хотя и не всегда развитое религиозное чувство”, “православное общество при всей своей неоспоримой религиозности далеко не богато религиозным знанием, пониманием смысла и значения внешней обрядовой стороны”.

Именно неразвитость религиозного чувства народа и становится порой причиной впадения его в разную ересь. Это прежде всего различные суеверия (к примеру, “в святочных гаданьях, цель которых приподнять завесу будущего и уз-

нать свою судьбу, сокрытую от глаз”). Наличие суе-верий во многом объясняется инородческим составом прихожан, которых Преосвященный Григорий подразде-ляет на несколько категорий: “В пределах пензенской паствы кроме православ-ных христиан русского происхождения есть православные христиане мордовско-го племени, мешеряки и татары крещеные. Мордовское племя делится [на] морд-ву-мокшу и мордву-арзя (эрзя), [которые] разнятся по разговорному на-речию, по степени образования и образу жизни. Эрзя развитее и ведет жизнь более опрят-ную, чем мордва-мокша, которая и в умственном от-ношении тупее. Относительно же религиозных воззрений они сходят-ся, имеют крепкую привязанность к пра-вославной вере, верят во все ее догматы, исполняют все ее постановления, обря-ды, любят путешест-вовать по святым местам и на освящение храмов. Удержива-ются неко-торые языческие верования (при похоронах и поминовениях) – молян. Много суеверных обрядов (ворожба о пропавших вещах, лечение больных по-средством нашептываний). Мордва верит ворожеям как ора-кулам. Не любит ходить в воскресные дни в церковь, так как имеет обыкновение до обеда печь и есть блины. Мало понимает важность молитв об усопших. Часто в постные дни едят скоромную пищу. Неко-торые по привычке молят поле, чтобы оно родило хлеб, молят баню за пар, воду за вымытие белья, молят накануне Богоявления мороз, чтобы он не бил их горох, молятся юртаву – домовому духу, чтобы он берег их дом и домашний скот.

На самой низшей степени религиозной жизни стоят крещенные татары, кото-рые христианские обряды делают по нужде, по страху гражданской власти, мо-литв не знают, икон не имеют, в церковь не ходят, постов не соблюдают, общение со священниками избегают. Отличаются от мусульман только тем, что не ходят в мечеть. Христианство к ним не прививается”. Относительно мордвы подчеркива-ется, что у нее “мужья обращаются с женами ласково, без деспотизма. Верность супружеская и в случае долгой разлуки соблюдается свято”.

Спустя несколько лет Преосвященный отмечает: “Нельзя не заметить также и то, что в простом народе господствующий порок пьянства стал мало-помалу осла-бевать, уступая частию силе пастырских внушений о губительных последствиях пьянства. Развитие религиозных понятий в мордовцах хотя и слабое, нежели у русских крестьян, но они усерднее посещают храмы Божии. Они особенно любят присутствовать при торжественных богослужениях и церемониях, как-то: при освящении храмов, поднятии колоколов, крестов и вообще при крестных ходах”. И далее: “Полуязыческие обычаи: моляны, помины и свадьбы-самокрутки в мор-довском населении или вовсе прекратились, или значительно сокращаются и ос-лабевают благодаря настоянию и внушению приходских священников. Но с дру-гой стороны, например, население в Городищенском уезде, отличаясь пред рус-скими преимущественною простотою нравов, легковерием и доверчивостью, часто

подпадает неблагонамеренному действию хитрых людей: раскольников, старых девок, различных иконников и праздношатающихся святош, так что пастыри церкви едва успевают разгонять эту тьму религиозную. В мордовском населении супружеская верность и чистота нравов в молодом поколении остается важнейшим достоинством семьи, не так, как в образованных классах, где вместе с духом вольномыслия и холодности к исполнению христианских обязанностей разнузданность нравов не стыдится иногда выступать наружу, не поддаваясь никакому противодействию”.

В отношении последних епископ Григорий замечает: “В образованных классах народонаселения епархии религиозно-нравственное настроение не столько заметно, как в простом народе. Немало есть в нем личностей и семейств просвещенных и благочестивых, но более людей недугующих современным увлечением к ложно понимаемой свободе совести (отчего, как считает епископ, – и редкое посещение ими богослужений, нарушение постов, распушенность нравов в семейной жизни, страсть к легкой наживе, роскоши и чувственным удовольствиям. – А. Д.)... Отношение к духовенству большею частию отзывается отчуждением и одною наружною вежливостью. Не могу, впрочем, пройти молчанием одного вполне отрадного факта, свидетельствующего о том, что и в настоящее время есть люди в образованных классах, вполне сочувствующие служению духовенства. Землевладелец села Чирково г-н Шеншин обратил внимание на осиротевшее многодетное семейство местного священника и устроил быт его довольно обеспеченно: построил для него поместительный дом, отвел усадьбу, назначил месячную ругу, дал дров на отопление, корма для скота и лугов. Редкий и высокий пример сострадания к нуждам сирот духовного сословия”.

С большим предубеждением относится Преосвященный Григорий ко всякого рода “святым людям”, богомолам и богомолкам, составляющим, по выражению архиерея, особое общество, которому он дает такую характеристику: “Женатые мужчины, поступая в него, бросают нередко своих жен, а по поступлении в общество носят черное монашеское платье. Общество богомолков состоит не только из мужчин, но и молодых девиц, дающих обет вести жизнь девственную и известных в простонародье под именем черничек, монашенок. Называют друг друга братцами и сестрицами, а прочих – мирскими. С вида благочестивые, даже строгие подвижники и подвижницы. Они налагают дополнительные посты, не чуждаются храма Божия, но имеют и свои собрания в одной избе, где поют, читают и читанное толкуют к своему разумению. Любят странствовать. Все в обществе направлено к благочестию и доброй христианской жизни. Но часто ими руководят неблагонамеренные люди, сеют раз-

дор с законными пастырями церкви”. Особенно много таких лиц было в Чембарском уезде. Для борьбы с этим явлением Преосвященный рекомендовал священникам разъяснять молодым подвижникам, что только в монастырях под руководством опытных наставниц они обретут тот правильный путь, который пытаются найти, вверяясь благочестивым на первый взгляд незнакомым людям, рискуя при этом попасть в раскинутые дьяволом сети.

Гораздо более серьезным бедствием был раскол, который все более и более заражал православную паству. Причинами, способствующими его экспансии, Преосвященный видел, во-первых, наступившие по отношению к расколу в России послабления, а во-вторых, свойственное всякому человеку стремление уйти от жестких норм поведения в сторону потакания своим греховным наклонностям. Вот как епископ Григорий объяснял это в своем отчете: “До эмансипации крестьян, когда и меры правительства против раскола были строже, и многие благонамеренные помещики сдерживали его развитие, многие из раскольников Пензенской епархии держались своей веры только тайно, из страха в нужде прибегали к церкви, по крайней мере, крестились, венчались, пред смертью исповедовались и приобщались Святых Таин и похоронялись по православному обряду. Теперь, при совершенной свободе, раскол обнаружился во всей своей силе. Теперь раскольники некоторых местностей прервали всякое общение с церковью, живут себе ни от кого не завися, никому не давая отчета, никому не подчиняясь и не за что не ответственю... Вот эта-то свободная бесконтрольная жизнь и послужила... и служит до сих пор соблазном для православных, не отличавшихся усердием к церкви. Не понимая по своему невежеству истинности Православной Церкви, видя в Православной Церкви стеснение для себя во многом касательно свадеб и похорон, слыша внушение и выговоры от своих пастырей за нехождение в церковь или за небытие у исповеди и святого причастия, и в то же время видя свободную, без всяких стеснений раскольническую жизнь, многие из слабых православных, живущих в раскольнических селах, готовы были отказаться и отказываются от церкви”. Особенно много соversions в раскол началось в 1861 и 1862 годах. В одном только селе Поиме Чембарского уезда тогда отклонилось от православной церкви до 500 душ, а в селе Царевщино Мокшанского уезда, где до того имелось всего лишь несколько десятков раскольников, их вдруг образовалась целая армия – с тысячу человек.

Но не зря говорят, что палка бьется о двух концах: “Между тем как раскол, пользуясь эмансипацией крестьян, брал к себе из Православной Церкви те жертвы, которые внутренне Церкви Православной не принадлежали, в самом расколе почувствованная свобода принесла много гибельного для самого раскола. В расколе появились и продолжают существовать ссоры и разногласия между жокаками и наставниками раскола,

которые ныне позволяют себе безнравственную и пьяную жизнь, взяточничество и бродяжничество”.

Раскольники, независимо от разновидности сект, официально подразделялись на две категории: рожденные в расколе, то есть закоренелые раскольники, и совратившиеся в раскол и состоящие под увещанием священников Православной Церкви. Первых на момент вступления епископа Григория в управление Пензенской епархией было 6593 человека обоего пола, всех же около 12 тысяч (для сравнения скажем, что в 1857 году их было менее 8 тысяч). Они имелись в 23-х из 31 благочиннического округа и охватывали до 70 сел и деревень. По числу раскольников первенствовал Чембарский уезд (более 3900 душ), затем следовали – Мокшанский (2100), Наровчатский (1900), Нижнеломовский (1700), Городищенский (1612) и Саранский (440). В Пензенском, Краснослободском и Керенском уездах было незначительное число раскольников, а в Инсарском не было совсем.

Наиболее многочисленной была поповщинская секта, то есть одна из основных направлений в старообрядчестве, объединяющая несколько толков и согласий. Поповцы признавали священство и спасительность таинств и треб. В пределах епархии они делились на принимающих православных священников, которые “перебегали” в старообрядчество (беглопоповцы), и приемлющих белокрыницкую иерархию (“австрийцы”). Другим направлением была беспоповщинская секта. Беспоповцы не признавали церковной иерархии, избирая себе наставников из мирян, а следовательно, не имели преемства в рукоположении, идущем от апостолов. К беспоповцам относились представители поморского толка и спасова согласия (нетовщина).

В связи с общими явлениями упадка человеческого духа перед лицом свободы, черты, когда-то, вызывавшие симпатии к старообрядцам, стали нивелироваться, и у них остались лишь одни догматические разногласия с Православной Церковью, правоту которых старообрядцам не под силу было доказать. Это и стало решающим в процессе обращения ранее отпавших от Православной Церкви обратно в ее лоно. Из публичных бесед с раскольниками, которые постоянно устраивал в Поиме священник и миссионер Иоанн Невестин, прилюдно выяснялись шаткие позиции раскольнических наставников. Наступило состояние, которое Преосвященный Григорий назвал “состоянием колебания раскола в самом себе”. Появилась возможность примирения на правах единоверия, при котором бывшие раскольники входили в иерархическое подчинение к Православной Церкви, продолжая совершать службу в церквях по своим правилам. Для этого в Поиме в 1866 году была устроена единоверческая церковь в доме обратившегося в православие “поморца” Ксенофонта Крючкова, ставшего позднее достойным преемником умершего в 1878 году миссионера священника И. Невестина. Именно в ней и

проходили публичные состязания православных и единоверцев с раскольниками разных сект о предметах православной веры, которые собирали огромное число слушателей из старообрядцев.

Вот как описывает Преосвященный в отчете за 1875 год со слов миссионера И. Невестина его диспуты с раскольниками: “С поимскими раскольниками миссионер вел публичные беседы по примеру прошедших годов в воскресные дни Св. Четырдесятницы в единоверческом храме. На первую беседу поимские лжепопы так называемого австрийского священства после неоднократных приглашений миссионера не явились. Переданная им беседа о противоканонических действиях австрийского лжепоповства сильно им не понравилась, и потому в следующий воскресный день, пишет миссионер, явился на прения лжепоп Мокеев. Не имея возможности по своей малограмотности сколько-нибудь защитить себя, он поручил это дело начетчику поповцу Петру Козленкову. Этот последний, как уже искусившийся в беседах с православными, всячески отклонял беседу о незаконности австрийского священства, что заметили даже и сектанты его, а вел разговор о неважных предметах. В следующие затем дни беседа шла с беспоповцами спасова согласия и поморцами. Начетчики их Кусакин и Звонов противоречащими ответами на вопросы миссионера дали обильную пищу для насмешек поповцам, которые тут же уличали беспоповцев в шаткости их религиозных убеждений, а Кусакин и Звонов, пристыженные, затеяли между собой спор и ссору...”

Кроме публичных бесед для обличения раскольнических заблуждений и разумления сектантов миссионер действовал и другими путями. В феврале, например, он дал поимским поповцам 11 письменных вопросов, извлеченных из вселенского Символа, о Церкви. Прочитав их публично, поповцы обещались сообщить православным ответы чрез две недели, а между тем поспешили отослать вопросы в Москву к своему лжемитрополиту Антонию Шутову. Вместо ответов им прислана была книга “Речи” Филиппова, произнесенные им в обществе любителей духовного просвещения в С.-Петербурге о единоверии. Поповцам объяснено, что речи эти говорят не в пользу их, а единоверцев, а потому и ответом на вопросы служить не могут, но прямых ответов на вопросы миссионер доселе не получил.

Расколоучители и начетчики поимские не могут не замечать, что они не имеют достаточных сил к защите своих убеждений, и потому они выписывают по временам издаелека славящихся между ними наставников. Так, к поимским поморцам в отчетном году приезжали знаменитые начетчики Иван Михайлов и Андрей Александров из Нижегородской губернии. Но оба они уклонились от публичных беседований с миссионером, неожиданно скрылись из Поима, предоставив поповцам и православным повод к неблагоприятным отзывам о поморстве. Обещание поморских наставников выписать Александрова в другой раз доселе не исполняется.

На основании вышесказанного миссионер убеждается, что религи-озные заблуждения старообрядцев села Поима всех сект, не говоря уже о молодом поколении, сильно поколеблены. Не заметно, пишет он, прежнего и обычного между ними упорства и ожесточения, а тем более хулы и нареканий на Православную Церковь. Не говоря о поповцах, нетовцы и поморцы признают необходимыми для своего спасения и священство, и таинства Св. Церкви, и в настоящее время занимаются решением вопроса – которое священство есть истинное и Христом на земле учрежденное. Для сей цели они делают собрания, куда приглашаются и поповцы, а миссионером посылаются начитанные единоверцы, и здесь сообщая при пособии старопечатных книг ведутся между ними беседы и прения”.

Ярким примером возможного единения православных и старообрядцев перед лицом общей беды явилось сплочение их вокруг чудотворной иконы Казанской Божией Матери из г. Нижнего Ломова, принесенной 5 августа 1871 года во время свирепствующей холеры в Поим. Жители села, среди которых было немало и раскольников, со слезами на глазах встретили икону далеко за околицей и попеременно несли ее на своих руках до православного храма, где все вместе преклонили пред ней свои колена. В том году в Православную Церковь возвратилось из раскола 13 человек.

Большим событием в истории Поима явилось освящение в 1876 году заложенного за три года до этого на базарной площади каменного храма для единоверцев. Он был построен на ассигнованную Св. Синодом сумму в размере более 10 тысяч рублей при самом непосредственном участии священника Ксенофонта Никифоровича Крючкова. После смерти миссионера священника И. Невестина он был рукоположен епископом Григорием в этом храме в священнический сан, став настоятелем единоверческой церкви и миссионером. Собственное обращение в Православие он рассматривал как Промысел Божий, наставивший его на путь истинный, и до конца своих дней устройением единоверческих храмов по всей епархии, а затем и России старался искупить грех своей молодости – совращение многих в раскол, чему способствовало его незаурядное умение вести пропаганду своих идей. Не случайно, в первый же год его священнической деятельности к единоверию присоединилось 26 человек. В доме священника Крючкова, где раньше была церковь, в 1878 году по указанию Владыки было открыто женское училище, в котором из 39 учениц обучалось и 8 девочек из раскольнических семейств. И что любопытно, содержалось оно на средства купца Болотова, состоявшего в расколе.

В том же году Поим посетил известный миссионер, в прошлом авторитетнейший старообрядческий наставник федосеевского толка – одного из направлений в беспоповщине, настоятель Никольского единоверческого монастыря в Москве Павел Прусский (Леднев), единомышленник священника Ксенофонта Крючкова, десять лет уже как принявший Православие. В Поиме он трижды вступал в беседу

со специально приглашенным поповцами для защиты австрийского священства знаменитым начетчиком Масловым из г. Саратова. И, как свидетельствовали очевидцы, “эти беседы произвели такое впечатление на раскольников более рассудительных, что они более не осмеливаются говорить худо о Церкви, православных же утвердили крепче стоять в вере православной”.

Для более успешного противодействия расколу Преосвященный Григорий еще в 1872 году предположил устроить по примеру других епархий при кафедральном соборе миссионерское братство, назвав его Братством Пресвятой Богородицы – в честь чудотворной иконы Казанской Божией Матери, спасшей в 1717 году Пензу от набега кочевников во время Большого кубанского погрома. 29 декабря он обратился к начальнику губернии за соответствующим разрешением и уже 3 января 1873 года получил его. В 1874 году в миссионерское братство изъявили желание вступить 350 человек, прислав в качестве взносов 463 рубля. В проекте устава братства говорилось, что оно “имеет цель распространения христианской веры между некрещеными, утверждения православной веры в крещеных инородцах и содействие ослаблению раскола, сближения раскольников всех сект с Православной Церковью и обращения их или прямо в Православную Церковь, или на правах единоверия; братство заботится о подготовке миссионеров, учреждает на свои средства школы в селах, где живут раскольники, магометане, помогает материально бедным, обращающимся из раскола в Православие или из магометанства в христианскую веру”. Однако открыто оно было лишь при епископе Антонии 2-м.

В 1880 году Преосвященный Григорий серьезно заболел. Его стали донимать постоянные боли в желудке. Московские врачи, к которым он обратился Великим постом 1881 года, определили катар желудка и назначили лечение. Несмотря на сильные боли, Владыка продолжал служить каждое воскресенье и провел праздничную службу на Благовещение Пресвятой Богородице. Накануне подписал свой годовой отчет в Св. Синод, в котором есть и такие строки: “По болезненному моему состоянию обозрение простиралось на незначительное количество церквей городских и приходских, обителей было осмотрено шесть. По болезненному состоянию в отчетном году не пришлось посетить по примеру прежних лет село Поим, зараженное расколом. Недостаток этот надеюсь исполнить в настоящем году, когда поправится мое здоровье, к чему имею и наставления, и врачебные пособия от московских опытных врачей, к которым я обращался в текущем марте месяце...”⁶⁶. Но его надеждам на выздоровление не суждено было сбыться. После Вербного воскресенья ему стало совсем плохо, но, собрав силы, он все же провел богослужение в Среду Страстной седмицы в своей крестовой церкви.

По окончании службы с трудом добрался до своих покоев, хоть и идти-то было всего несколько шагов. Лег отдыхать, надеясь, что отслужит и Великий Четверток, но встать ему уже было не суждено.

Со слезами на глазах встретил епископ Григорий пасхальный перезвон колоколов – так хотелось ему самому благовестить с амвона о Воскресении Христовом бессмертными словами: “Христос воскрес!”, слыша в ответ от своей паствы ликующее: “Воистину воскрес!” Но Господь распорядился по-другому. В конце Светлой седмицы у постели больного собрался консилиум. Пензенские врачи сошлись в том, что у архиерея рак желудка и нет никакой надежды на выздоровление. В понедельник на Фоминой неделе Владыка соборовался и приобщился Христовых Таин. 24 апреля в половине десятого вечера тихо скончался. Четыре дня кряду шли панихиды о почившем архипастыре – ждали епископа Тамбовского и Шацкого Палладия (Ганкевича), назначенного Св. Синодом для совершения погребения, который смог прибыть только 28 апреля пополудни. На следующий день он в сослужении епископа Саратовского и Царицынского Тихона (Покровского) и пензенского духовенства исполнил возложенную на него высшей властью печальную обязанность. Похоронили Преосвященного Григория, как он и завещал, в еще не законченной к тому времени церкви, пристроенной к правому приделу Спасского кафедрального собора.

В некрологе, опубликованном в “Пензенских епархиальных ведомостях”, была опубликована биография святителя Григория: “Преосвященный Григорий родом Костромской губернии, сын священника; мирское имя его было Евлампий Петрович Медиоланский. По окончании курса в Костромской духовной семинарии в 1842 году он поступил в Московскую духовную академию, обучался в ней с 1844 по 1848 год и окончил курс по первому разряду. По окончании курса, он определен в Новгородскую духовную семинарию учителем по классам Священного Писания и святых отцов греческих и латинских. В следующем 1849 году 3 августа пострижен в монашество, 6 августа рукоположен в иеродиакона, а 15-го – в иеромонаха. В Новгородской семинарии он пробыл до 1851 года и в должности помощника инспектора два раза исправлял в ней должность инспектора. В 1850 году покойный возведен в степень магистра богословия, в 1851 году определен профессором и инспектором в Оренбургскую (ныне Уфимскую) духовную семинарию, в 1855 году возведен в сан архимандрита и определен ректором той же семинарии. Будучи инспектором и затем ректором Уфимской семинарии, он проходил вместе с тем и другие должности: цензора проповедей, члена цензурного комитета, учрежденного при семинарии для чтения катехизических поучений, члена духовной консистории, благочинного Уфимского Благовещенского монастыря, члена правления Уфимского училища девиц духовного звания, директора Оренбургского губернского о тюрьмах комитета, за что ему изъявлено Высочайшее благоволение;

Казанская икона Божией Матери

не раз он обозревал духовные училища в качестве ревизора. В 1863 году за отлично-усердную службу сопричислен ордену Св. Анны 2-й степени, а в 1865 году тому же ордену с императорскою короною. В том же году он вызван был на чреду священнослужения и проповедывания Слова Божия, а в 1867 году 17 января утвержден епископом Выборгским, викарием С.-Петербургской епархии. Вместе с сим он проходил должность председателя статистического комитета С.-Петербургской епархии и присутствующего в общем собрании миссионерского общества. В 1868 году августа 21 дня он утвержден был епископом Пензенским и Саранским. С этого времени начинается уже его деятельность в пользу Пензенской паствы и епархии. Высшее начальство ценило его труды. В 1869 году он сопричислен был ордену Св. Владимира 3-й ст., в 1878 году – ордену Св. Анны 1-й ст., а в 1880-м – ордену Св. Владимира 2-й ст. Во время Сербской войны Преосвященный принимал деятельное участие в сборе пожертвований на устройство добровольного флота, и за жертвования вместе с духовенством на этот предмет ему выражена была благодарность августейшим покровителем общества государем наследником цесаревичем, а в 1879 году он получил и знак Красного Креста”⁶⁷.

29 августа 1998 года состоялось обретение останков Преосвященного Григория в склепе, обнаруженном накануне на месте стоявшего здесь когда-то Спасского кафедрального собора. Двухмесячные раскопки ознаменовались первой находкой как раз в престольный праздник бывшего собора – Успения Пресвятой Богородицы, которому был посвящен правый верхний придел, располагавшийся над приделом во имя святой великомученицы Екатерины, близ которого и шли раскопки.

